

Бедняга Ань Шаохуа, и без того нервничавший при виде отца, совсем растерялся, не находя слов, отчего у него задрожали руки и выступил пот на кончике носа. Украд взгляд в сторону отца, он увидел, что тот пристально его разглядывает. Вот и всё, голова пошла кругом, и он не смог выдать ни слова. С трудом дождавшись, когда карета въехала во двор и остановилась, Ань Шаохуа поспешно спрыгнул вниз и, обернувшись, помог отцу сойти. Он не заметил, что наложница Хун вместе с Фэнь держала в руках коробку с едой, ожидая их во дворе отца.

Ань Юй, который заранее продумал несколько слов, чтобы наставить Ань Шаохуа, увидев, что Цзяо Хун с надеждой смотрит на него, а её дочь, незаконнорождённая, почтительно стоит рядом, едва заметно вздохнул и, махнув рукой, отослал сына. Ань Шаохуа, обменявшись с Цзяо Хун и её дочерью вежливыми поклонами, поспешил извиниться перед отцом и направился к Двору Струящегося Света.

У входа во двор он увидел спешащего Хуаньси, который, улыбаясь подобострастно, спросил:

— Господин, вы уже поели? Господин Гу ещё не ужинал, ждёт вас.

Неизвестно, что пришло ему на ум, но Ань Шаохуа усмехнулся и, продолжая идти, сказал:

— Ты, обезьяний детёныш, такой хитрый! Наверняка пришёл за наградой! Не беспокойся, вы оба её получите. Веди вперёд!

За его спиной Хуаньси беззвучно спросил у Фугуя:

— Ужинал?

Фугуй слегка покачал головой. Хуаньси жестом показал на Фугуя, тот снова покачал головой. Хуаньси кивнул Фугую, но не успел тот остановить его, как Хуаньси снова заговорил, шагнув вперёд:

— Господин, господин Гу ждёт вас в Зале Жусун, приготовил немного вина и закусок. Пока вас не было, я уговорил его съесть пару пирожных. Старший молодой господин уже поужинал, в обители «Верните мне мои книги» только матушка Фэн и Сяо Доумяо. Как насчёт того, чтобы отправить Фугуя присмотреть за старшим молодым господином?

Ань Шаохуа на мгновение задержался, обдумывая, и сказал:

— Отныне все расходы Сяо Доумяо будут соответствовать расходам старшего молодого господина. У старшего молодого господина теперь двойное жалование, так что проследи, чтобы всё было в порядке, но чтобы никто об этом не узнал. И вы все запомните: за пределами этого двора Цзинхэ остаётся внуком, а Сяо Доумяо — Сяо Доумяо; но в этом дворе Цзинхэ — старший молодой господин, а Сяо Доумяо... это господин Гу.

Сказав это, он двинулся дальше. Шагая, он мысленно ругал себя:

«Словно бес попутал, всего лишь сон, а я уже не знаю, как обращаться с Сяо Доумяо. В конце концов, это всего лишь ребёнок. Сейчас его происхождение неизвестно, я взял его из милосердия, и никто не сможет найти в этом ничего плохого. Даже если он действительно знатного происхождения, есть ведь оправдание — незнание. Тем более они сами скрывали это.

Эх! К чему всё это? Вряд ли этот ребёнок действительно... того происхождения».

Думая о Сяо Доумяо, Ань Шаохуа свернул в сторону Зала Жусун. Хуаньси остановил Фугуя, тот

замер, а Хуаньси, поспешив за Ань Шаохуа, спросил:

— Господин, а как насчёт старшего молодого господина?

Ань Шаохуа махнул рукой, давая понять, чтобы они сами разбирались и не мешали ему.

Хуаньси подмигнул Фугую, намекая:

— Проваливай, тебе оставили еду, твою любимую.

Фугуй ответил Хуаньси жестом, означавшим:

— Спасибо, брат.

Хуаньси тихо сказал:

— Сходи к матушке Фэн.

Фугуй достал из-за пазухи небольшой плотно завёрнутый узелок и бросил его Хуаньси. Тот поймал, на мгновение застыл, а Фугуй уже ушёл. Хуаньси ничего не сказал, сжал узелок, внутри которого послышался шуршащий звук бумаги, украдкой усмехнулся, спрятал его за пазуху, прижал рукой и беззвучно прошептал:

— Цинъюань.

Ань Шаохуа шёл быстро, почти бежал, широкими шагами вошёл в Зал Жусун. Гу Мо сидел за столом, читая книгу, и, услышав шаги, поднял голову. Неожиданно встретившись с его тёмными глазами, Ань Шаохуа почувствовал странную слабость. Он прокашлялся, стараясь выглядеть естественно, и широко развёл руки, чтобы Гу Мо помог ему снять верхнюю одежду.

После того как одежда была снята, они сели за стол и немного поели. Ань Шаохуа уже поужинал, лишь слегка притронулся к еде и выпил чашу вина. Гу Мо же не имел аппетита, съел пару кусочков для вида и начал медленно пить чай. Их взгляды встретились, и в воздухе повисла неловкость.

— Кхм... — Ань Шаохуа прокашлялся, пытаясь разрядить напряжённое молчание, и, подумав, заговорил. — Э-э... ну... сегодня... недавно я наткнулся на прекрасную строчку, хотел бы обсудить её с Шоусинь, и, если получится, сочинить ответ.

Сказав это, он украдкой посмотрел на выражение лица Гу Мо.

Услышав это, Гу Мо слегка приподнял бровь, на его губах появилась едва уловимая усмешка.

«Шоусинь», какая мерзость. У Гу Мо было красивое имя — Люгуан. Это было в армии, когда ему было двенадцать или тринадцать лет. Он только что убил Ху Житу и стал новым кумиром в войсках, везде его встречали с восторгом. Как в одном фильме, который он смотрел в детстве: «У меня есть секрет, я так прекрасен, все меня любят».

То было время, когда Гу Мо чувствовал себя наиболее свободным и счастливым. Однажды, танцуя с мечом при лунном свете, он был замечен военным советником Лю Яньци, который, поражённый, назвал технику меча Гу Мо «Пышные цветы» настоящим зрелищем, сравнимым с летящими лучами света. Гу Ши тогда сказал: «Почему бы не назвать тебя Люгуан?» Обычно мальчики получали имена в пятнадцать или шестнадцать лет, но Гу Мо получил своё имя раньше, и это наполнило его гордостью.

Вскоре после свадьбы, узнав, что Ань Шаохуа назвал их двор «Двором Струящегося Света», Гу Мо искренне обрадовался, чувствуя себя удовлетворённым. Но после рождения Цзинхэ, то ли в начале беременности, то ли ближе к родам, он уже не помнил, Ань Шаохуа вдруг решил, что имя жены должно быть дано мужем, и придумал это женственное имя «Шоусинь», чтобы унижить его. И Гу Мо приходилось терпеть это, действительно...

Но что с того? Не говоря уже о других вещах, в полдень Ань Шаохуа послал Фугуя передать сообщение, что, по сути, было приглашением на свидание. Встретиться, подтвердить статус, погасить свет и лечь в постель — всё это должно было решиться в постели. Хотя в прошлой жизни Гу Мо не был человеком, одержимым страстью, это не значит, что он был неопытным юнцом. Напротив, в те времена он относился к этим вещам очень трезво: встречаться или нет — это вопрос, требующий размышлений. Но после того как ответ найден, нужно действовать.

Но вид Ань Шаохуа, который изо всех сил пытался подобрать слова, был странным. Зачем это? Они не виделись почти год, последний раз расстались на плохой ноте из-за Ляньгуань, и за эти месяцы он не давал покоя, говоря, что ради кухни будет учиться и стремиться вперёд, а потом привёл в дом пять женщин, добавив к уже имеющимся Чуньтао и Ляньгуань, чтобы завершить набор.

Вчера Ань Шаохуа наконец завершил свою более чем годичную упорную борьбу, одержав окончательную победу и приведя в дом давно желанную Юэ'э. Казалось бы, он должен был быть доволен, удовлетворён, броситься в её комнату и больше никогда не выходить. Но сейчас, в этой ситуации, Гу Мо повернулся к Ань Шаохуа затылком, яростно закатил глаза и подавленно вздохнул.

Гу Мо сам был мужчиной и презирал таких негодяев, которые, расправившись, забывают обо всём.

Ань Шаохуа сразу пожалел о своих словах. У него была привычка, когда он нервничал, говорить высокопарно. Но Гу Мо вырос в армии, никогда не видел частной школы, а о книжных залах только слышал. Он мог прочесть аккуратно написанные иероглифы, но когда сам писал, всегда что-то пропускал. Ань Шаохуа хотелось дать себе по губам: «Наткнулся на прекрасную строчку», «Обсудить с Шоусинь», как бы Гу Мо не понял это неправильно. А потом он увидел, как губы Гу Мо слегка изогнулись в усмешке, и тот отвернулся. Ань Шаохуа мог только закончить:

— Этот куплет звучит так: «Дым скрывает ивы у пруда». Он очень изящен.

Гу Мо сразу вспомнил, как в прошлой жизни видел этот стих в интернете. Кто-то, кажется, ответил что-то про «Башню Чжэньхай», но он не мог точно вспомнить. Зато хорошо помнил «Жаркое из Шэньчжэня». Его старший брат говорил, что, помимо иероглифов, эта строка передаёт реальную сцену, создаёт яркий образ, а ответ не только стимулирует зрение, но и задействует обоняние и вкус, словно настоящий подарок. Жаль, что этот каламбур никто не разделит.

<http://bllate.org/book/16674/1529294>